

Амнезия

Пьеса

(Что-то вроде комедии)

Действующие лица:

Стэн Корвик – 1-й пациент.

Зак Лютецки – 2-й пациент.

Энтони Пфайдорф – 3-й пациент.

Гретта Корвик – жена 1-го пациента.

Аманда Финчли – прокурор, и хорошая знакомая 3-го пациента.

Доктор.

Медсестра.

В зале тухнет свет.

Голос:

Недалеко от Центрального парка, в фешенебельных апартаментах мадам Терье, Стэн Корвик, как депутат Городского Совета, проводил деловую встречу с лидером одной из оппозиционных партий Сарой Гросби. Встреча была в самом разгаре, когда на пороге неожиданно появилась жена депутата, Гретта Корвик. Картина, представшая перед ней, заставила усомниться в чисто деловых аспектах данного мероприятия. И если отсутствие на муже пиджака и галстука можно было объяснить довольно таки высокой температурой в помещении, то вот полностью обнаженная лидер оппозиционной партии уж при всем желании никак не вписывалась в этические нормы делового сотрудничества.

Последнее, что успело зафиксировать сознание депутата, так это летящий в его голову кофейник.

Приблизительно в это же самое время, в карточном зале казино «Империя», Зак Лютецки в очередной раз выложил на стол выигрышную карточную комбинацию. И когда его рука уже потянулась, дабы сгрести в свой карман честно выигранные фишки, кто-то ловко, на глазах у окружающих, молниеносным движением выудил у него из рукава спрятанный «джокер». И тут же молодого человека, уличенного в столь низком поступке, абсолютно не соответствующим статусу джентльмена, скрутили два крепких субъекта, культурно вынесли из зала, при этом, не забыв освободить карманы подопечного не только от, как выяснилось, нечестно выигранных фишек, но и от туго набитого бумажника, и так же культурно спустили его с лестницы.

Где-то в часовой параллельности вышеозначенных событий, на площади «Влюбленных», в центре которой гордо возвышается памятник Икару, в здании муниципального суда, на четвертом этаже слушалось дело некоего Филиппа Мэгиша, брачного афериста, умудрившегося обмануть трех домохозяек, двух агентов социального страхования (работающих, кстати, в одной конторе), вдову, тренера по шейпингу, чемпионку в тяжелом весе по борьбе «сумо», и даже частного детектива, которая, в итоге,

и разоблачила сего аморального типа. Адвокат Энтони Пфайдорф сделал все возможное, чтобы вытащить своего клиента, как говорится, сухим из воды. Однако прокурор Аманда Финчли, на которой, в свое время, Энтони передумал жениться, сбежав со свидетельницей буквально из-под алтаря, и которую тоже, впрочем, через месяц бросил, решила из кожи вон вылезти, чтобы не только добиться справедливого наказания для подсудимого, отправив того за решетку на максимальный срок, предусмотренный уголовным кодексом по данной статье, но и чисто по-женски насолить опозорившему ее девичью честь, мягко говоря, моральному уроду. После вердикта присяжных судья зачитал приговор, по которому Филипп Мэгиш получил двенадцать лет. Не успел судья стукнуть молоточком, как Энтони Пфайдорф уже вылетал в окно. Это было единственное, чем Мэгиш мог отблагодарить своего адвоката. Пролетая мимо Икара, Энтони уловил сочувствующий взгляд последнего.

И вот судьбе было угодно особо отличившихся в этих историях собрать вместе.

Поднимается занавес. Больничная палата. На сцене три больничные койки с капельницами. Стэн Корвик лежит плашмя, с перевязанной головой. Энтони Пфайдорф лежит молча, с загипсованной ногой. Зак Лютецки, с загипсованной шеей, сидит на койке.

ЗАК (разговаривая сам с собой). Эх, и скучно же здесь! Ни тебе бильярда, ни рулетки, ни карт. Так и свихнуться недолго. И угораздило же меня так опростоволоситься! Какого черта я эту карту не сбросил?! Теперь торчи, неизвестно сколько, в этой больнице! И гастроль на юг накрылась медным тазиком!.. Эй, адвокат! Не спишь?

ЭНТОНИ (поворачивая голову к собеседнику). Да нет, размышляю.

ЗАК. О чем? О том, что здание суда нужно возводить не более чем в два этажа?

ЭНТОНИ. О превратностях судьбы.

ЗАК. И не говори! Кстати, я так и не понял, ты с какого этажа планировал? А то я слышал несколько версий.

ЭНТОНИ. С четвертого.

ЗАК. А сколько там всего-то этажей?

ЭНТОНИ. Восемь.

ЗАК. Ну, приятель, считай, что тебе повезло. Ведь могло же судебное заседание состояться на последнем этаже?

ЭНТОНИ. Вполне. Так же, как и на первом.

ЗАК. Ладно, будем считать, что повезло наполовину. Это все-таки лучше, чем не повезло совсем.

ЭНТОНИ. Ну, а свое положение ты как определяешь? Повезло наполовину, или совсем не повезло? Ведь в казино, насколько мне известно, с фокусниками, вроде тебя, особенно не церемонятся. И может вполне дойти до плачевного исхода.

ЗАК. Ты совершенно прав. Я мог с таким же успехом сломать себе шею, как и ты. Так что, мне повезло.

ЭНТОНИ. И тоже наполовину, судя по тому, что все могло закончиться крупным выигрышем и без членовредительства.

ЗАК. Точно так! (И оба рассмеялись. Затем Зак бросил взгляд на третьего обитателя палаты). Как ты думаешь, этот бедолага скоро придет в себя? Как-никак, вторые сутки пошли, как его привезли.

ЭНТОНИ. Надеюсь, что скоро. А то как-то не по себе. Вдруг он окочурится! И хорошо, если днем. А не дай Бог, ночью! И будешь до утра находиться в обществе трупа. Брр!!! Не переношу жмуриков (приподымается и тщательно всматривается в безмолвного соседа). А тебе не кажется, что он уже того (его голос натянут, как струна)... Подойди, посмотри.

Зак поднимается, подходит к койке Стэна и склоняется над ним. Затем резко выпрямляется.

ЗАК. Слушай, кажется, ты прав. По-моему, он не дышит (дотрагивается до кисти). И рука холодная.

На какое-то мгновение воцаряется мертвая тишина.
Энтони лихорадочно пытается креститься. Зак стоит,
как вкопанный.

ЭНТОНИ. Наверное, надо накрыть его лицо?

ЗАК. Да, конечно.

Он берется за край одеяла Стэна и накрывает того с головой.
Затем достает из кармана халата носовой платок, толи чтобы
вытереть выступивший на лбу пот, толи чтобы вытереть руки,
но тут из платка что-то выпадает и закатывается под койку.

ЗАК. Вот, черт! Мой талисман.

Становится на колени и заглядывает под койку. И вдруг, рука
предполагаемого покойника дотрагивается до него. Зак
вскрикивает и бесчувственно расплывается на полу.

СТЭН (сбрасывая с лица одеяло). Ох... Кх... Где это я?.. (с трудом, кряхтя,
приподнимает голову и оглядывается вокруг). Что со мной? В голове, будто соревнования
между кузницами (в бессилии откидывается обратно на подушку).

ЭНТОНИ (уже немного придя в себя от неожиданного воскрешения соседа). У
тебя, мой друг, обыкновенная, бытовая, черепно-мозговая травма. Вспоминаешь?

СТЭН. Нет... Хотя... Ах, да... Конечно... Теперь припоминаю...

ЭНТОНИ. Мы с приятелем, признаться, уже начали было тебя отпевать.

СТЭН. С приятелем?! С каким? Я, вроде, никого больше не заметил.

ЭНТОНИ. С тем самым приятелем, которого твое чересчур уж неожиданное
воскрешение ввело в то состояние, в котором ты сам еще совсем недавно находился. Будь
любезен, если тебе не трудно, дотянись до него, посмотри, он в порядке? А то, боюсь, как
бы наш друг не оказался слишком уж впечатлительным и не сыграл в ящик.

СТЭН (слегка приподнялся, но тут же вновь откинулся обратно). Нет, не могу. А
может, позвать сестру, или доктора?

ЭНТОНИ. Точно! Как это я сразу не догадался!

ЗАК. Никого не надо звать (Стэна аж подбросило). Со мной уже все в порядке (Зак
поднялся, отряхнулся, и сел на свою койку). Ну вот, теперь можно и познакомиться. А то
мы толком так и не знаем, кто ты, и как умудрился сюда попасть.

ЭНТОНИ. А если конкретнее, то совсем не знаем. Медсестра что-то намекнула
насчет кофейника, и больше никакой дополнительной информации. Так при чем тут
кофейник? Сделай милость, удовлетвори любопытство собратьев по палате.

СТЭН. Да все очень просто и банально. Жена застучала меня с другой, и в порыве
негодования запустила первым, что попало под руку. И это был, как вы уже слышали,
кофейник.

ЗАК. Ну вот, теперь более-менее ясно.

ЭНТОНИ. Что ж, приятель, добро пожаловать в наш травматический коллектив! Я
Энтони Пфайдорф.

ЗАК. А я Зак Лютецки.

СТЭН. Стэн Корвик, к вашим услугам.

ЗАК. Вот и ладненько! Кстати (обращается к Стэну), у тебя случайно сигаретки не
найдется?

СТЭН. Извини, не курю.

ЗАК. Правильно. Намного приятнее помирать здоровым. Лежишь при смерти, над
тобой священник бурчит отходную молитву, вокруг толпа родственников пускает слезу,

твои органы постепенно начинают отказывать, но зато легкие работают, как часы, свободно перерабатывая каждую порцию кислорода, вплоть до последнего вдоха.

ЭНТОНИ. А еще хорошо, когда при этом у тебя в полном порядке шейные позвонки, и ты можешь безболезненно поворачивать шею, следя, как под потолком порхают ангелы, дожидаясь момента, когда твоя душа соизволит наконец-то покинуть грешное тело.

ЗАК. А так же неплохо помахать им костылями, в знак дружеского расположения.

СТЭН (хрипло кашлянув). И очень бы хотелось, чтобы в этот момент не болела голова.

ЗАК. Друзья, предлагаю закрепить наш союз одним очень оригинальным и своеобразным образом.

ЭНТОНИ. Интересно. И как же это выглядит?

ЗАК. Довольно таки просто. Но это отнюдь не приуменьшает оригинальности. Каждый отдает свою самую дорогую вещь, которую имеет на данный момент. Затем все эти вещи перетасовываем, и, применяя систему слепого отгадывания, получаем всё обратно. Но вся фишка в том, чтобы тебе досталась вещь другого. Если ты свою вещь получаешь обратно, значит, судьба отказывается благословить тебя на этот союз.

СТЭН. Действительно, оригинально.

ЭНТОНИ. Полностью присоединяюсь. Просто обменяться вещами – отдает уже каким-то архаизмом. Вот моя самая дорогая вещь, которую я могу сейчас предложить (снимает с руки золотой перстень и протягивает Заку).

ЗАК. Ого! Приличная вещичка!

СТЭН. А я вот не знаю, что могу предложить. Кажется, у меня при себе ничего такого нет. Очевидно, все в камере хранения.

ЗАК. Постой-ка, приятель! Когда тебя привезли сюда, на твоей руке были часы. Медсестра сняла их и положила тебе под подушку.

СТЭН. Да? В таком случае, если тебя не затруднит, достань их.

ЗАК (подошел к койке Стэна и достал из-под подушки часы). Тоже неплохо. Я бы даже сказал: круто! Ну и моя самая дорогая вещь, не только в данный момент, но и вообще (полез в карман). Не понял! А, да! (опустился на колени и заглянул под койку Стэна) Вот он, родимый! Мой талисман. Забыл, как называется этот камушек, однако найден он в какой-то гробнице на каком-то далеком острове. И, если я не ошибаюсь, этот камушек служил магическим ключом древнего заклинания. Жаль, конечно, расставаться с ним, но...

ЭНТОНИ. Если он в самом деле имеет магическое свойство и не захочет расставаться с тобой, то обязательно вернется обратно.

ЗАК. Что ж, посмотрим.

ЭНТОНИ. Итак, предметы для розыгрыша готовы, осталось определиться с механизмом лотереи.

ЗАК. Это, как раз, проще простого (он полез под койки и выудил из-под них три больничных утки). То, что надо! (уселся на пол, каждый из предоставленных предметов накрыл перевернутой уткой, и уже собрался было начинать розыгрыш, но тут вдруг как будто о чем-то вспомнил, вскочил, насколько позволяла загипсованная шея, и приблизился к койке Стэна) Извини, приятель, совсем забыл, что тебе трудно поворачиваться. Сейчас сделаем (он помог Стэну повернуться на бок, чтобы тот мог наблюдать за происходящим). Теперь, порядок!

СТЭН. Спасибо!

ЗАК. Не стоит (возвратился в исходное положение и начал быстро передвигать утки; остановился). Ну, кто первый?

ЭНТОНИ. Давай я попробую. Вот эта (и он указал на одну из уток).

ЗАК. Поздравляю! Шикарные часы отныне твои. Теперь твоя очередь, Стэн.

СТЭН. Вот эта (показал он дрожащей рукой).

ЗАК. Что ж, прощай мой любимый талисман. Теперь у тебя будет новый хозяин. Ну, и на мою долю достается вот этот симпатичный перстенок.

ЭНТОНИ. Насколько я понимаю, розыгрыш удался. А это значит, что наш союз благословила сама судьба.

ЗАК. Выходит, что так.

СТЭН. И это прекрасно, друзья мои!

ЗАК (положив утки обратно под койки и усевшись на свою кровать). Надеюсь, никто из вас не обидится, если я слегка перепутал утки.

ЭНТОНИ. Главное, чтобы она не кричала. Моя была такая тихая!

ЗАК (обращаясь к Стэну, который вновь откинулся на спину и тупо уставился в потолок). Вот интересно, я тут подумал, твоя жена специально запустила в тебя кофейником, или это все-таки можно отнести к чрезмерной женской эмоциональности в момент шокирующей неверности мужа? Какие у вас, вообще, были отношения? И в частности, в последнее время.

СТЭН. Это даже смешно обсуждать! Моя Грета во мне души не чает. И то, что произошло, лишний раз доказывает это. Разумеется, в тот момент она просто потеряла над собой контроль. И потеряла по вполне понятным причинам. Она настолько меня обожает, что вполне естественно, не совладала с нервами, когда случайно застала меня с другой женщиной, пребывающей в не совсем пристойном виде.

ЭНТОНИ (задумчиво). Случайно? Так-так. А вы, что же, находились в своем рабочем офисе, или, может быть, дома? Я имею в виду: место, где вы, так сказать, развлекались, было известно жене?

СТЭН. Нет, конечно. Это абсолютно исключено! К тому же, в этом месте я с Сарой встречался впервые. Раньше, как правило, мы обсуждали... кх, кх... свои дела в одной заброшенной невзрачной гостинице.

ЭНТОНИ. Так как же можно объяснить внезапное появление твоей жены?

СТЭН. Ума не приложу!

ЗАК. А что, если... Кто в твоём завещании является основным наследником?

СТЭН. Ты это к чему?

ЗАК. Да так. У меня появились кое-какие подозрения по этому поводу. Ну, так кто?

СТЭН (пытаясь приподняться). Какие еще, к дьяволу, подозрения?!

ЗАК. Самые, что ни на есть, подозрительные. Итак?

СТЭН. Ну, кто же еще! Гретта, конечно! И не только основным, но и единственным наследником, то есть, наследницей.

ЭНТОНИ. И во сколько оценено все наследство?

СТЭН. Семь миллионов в недвижимости, пять миллионов в ценных бумагах, и три миллиона на счетах в двух зарубежных банках.

ЗАК (присвистнув). Итого, пятнадцать миллионов.

ЭНТОНИ. Думаю, надо сюда добавить еще и страховку. Так ведь? Во сколько оценена твоя жизнь, согласно страховке?

СТЭН. Два миллиона.

ЗАК. И получаем, ни больше, ни меньше, семнадцать миллионов. В итоге, супербогатая вдова, не лишенная привлекательности... Гретта симпатичная?

СТЭН. Чистый ангел!

ЗАК. Супербогатая очаровательная вдова, в обнимку с красивым молодым человеком, на берегу лазурного теплого моря, на фоне прекрасного вечернего заката, потягивая из трубочки слабоалкогольный коктейль, в полной мере наслаждаются обществом друг друга, и с благодарностью вспоминают незабвенного Стэна Корвика, подарившего им все эти радости жизни.

ЭНТОНИ. И дельфины поют им вечную песню любви.

СТЭН. Перестаньте! Что вы такое несете?! Я понимаю, что вам вдруг захотелось пошутить, но надо же знать меру! Как вам не стыдно. Да чтоб Гретта!.. Ни за что не поверю!.. Никогда! Кх, кх...

ЗАК. Расслабься, дружище. Давай, лучше, спокойно все проанализируем, расставим по полочкам, и ты сам увидишь, что не так все однозначно, как ты нам пытаешься тут впарить. И поверь, что для шуток мы выбрали бы более подходящую тему. Не так ли, адвокат?

ЭНТОНИ. Совершенно верно!

ЗАК (кивая на Энтони). Вот он юрист, он более компетентен в таких делах.

ЭНТОНИ (обращаясь к Стэну). Да, мой друг, картина вырисовывается, как уже заметил Зак, довольно таки подозрительная. Насколько я понял, детей у вас с Греттой нет?
СТЭН. Нет.

ЭНТОНИ. Разумеется. Иначе жена не являлась бы единственной наследницей.

СТЭН. Как-то еще не успели обзавестись. Она вроде бы была и не против, но всякий раз, когда я об этом пытался конкретно поговорить, Гретта уводила разговор в сторону.

ЭНТОНИ. Так же я прихожу к выводу, что других близких родственников тоже на горизонте не наблюдается.

СТЭН. Есть троюродная тетка, но я ее давно уже не видел, и даже не знаю ее адреса.

ЭНТОНИ. Идем дальше. Ты помнишь, как... Сара, кажется?..

СТЭН. Да. Сара Гросби.

ЭНТОНИ. Так вот, ты помнишь, как Сара отреагировала на появление твоей жены?

СТЭН. Ну, честно говоря, я как-то не успел этого заметить... Нет, ничего не могу сказать по этому поводу. Но уверен, что она была шокирована не меньше моего.

ЭНТОНИ. Думаю, тут ты ошибаешься, мой друг. Ты же сам сказал, что представления не имеешь, каким образом Гретта оказалась свидетельницей твоей измены.

СТЭН. Ну, я, просто, еще как-то об этом серьезно не задумывался.

ЭНТОНИ. Что ж, тогда пришла пора задуматься. И вот моя версия. Гретта, молодая еще, красивая женщина, в один прекрасный день поймала себя на мысли, что жизнь стремительным потоком бежит вперед, со всеми своими мыслимыми и немыслимыми наслаждениями, а она как-то находится в стороне этих процессов. И ей стало себя жаль. Настолько жаль, что она решила в корне изменить свое серое, как она считала, никчемное существование. Немного поразмыслив, она пришла к выводу, что не очень-то и любит своего мужа, и вполне могла бы заменить его на кого-нибудь более пристойного, в кого она может влюбиться, как кошка, и от кого она будет сходить с ума. Женщинам, время от времени, это почему-то просто необходимо. Так вот, сидит Гретта и думает: муж завещал ей все свое состояние, и если подойти к делу умно, то она станет и свободной и богатой. А после этого, все двери к наслаждениям откроются, как по мановению волшебной палочки.

Она выработала, как мне кажется, гениальный план. Но для реализации сего плана необходима была помощница. И этой помощницей, как нельзя более кстати, оказалась Сара Гросби. А план таков. Мистер Корвик, под видом деловой встречи, заманивает доверчивую Сару в отдельные апартаменты, и набрасывается на нее, с целью изнасилования. Рьяно отбиваясь от насильника, она нащупывает рукой первый попавшийся предмет и бьет им Корвика по голове. Тот замертво падает на пол... Возможен и несколько другой вариант. Она просто отталкивает его, и тот, падая, сам ударяется головой обо что-то. Результат должен быть тот же. Впрочем, раз в деле фигурирует кофейник, про который знает даже медсестра, то последний вариант отпадает, ибо кофейник как раз и может сойти за тот самый предмет, который подвернулся Саре под руку в критический момент. Вот, приблизительно, такая версия должна была рассматриваться на суде. И максимум, что грозило Саре, так это шесть месяцев условно. Но, уверен, и этот срок она бы избежала, пустив несколько лишних слез перед сердобольными присяжными. И таким образом Сара выходит из зала суда полностью оправданной; и самое главное, что Гретта вне всяких подозрений, и спокойно теперь может войти во владение наследством, плюс страховка.

ЗАК. Да, но ведь Стэн мог и не умереть, что, впрочем, и случилось!

ЭНТОНИ. Логично. И поэтому не исключено, что в плане изначально был зафиксирован один маленький пунктик, можно даже сказать: подпунктик, где говорилось, что если жертва еще жива, то ее надо немедленно, тихо и аккуратно, умертвить.

СТЭН. Это же полный бред!

ЗАК. Но это версия для суда. А на самом деле?

ЭНТОНИ. А на самом деле все выглядела иначе. Кроме, разумеется, окончательного штриха: летального исхода для главного действующего героя этой трагедии. Хотя и здесь, как мы теперь уже знаем, лицезря, не совсем еще здорового, но вполне живого, мистера Корвика, получилась осечка.

Разумеется, что Сара, будучи человеком, более моральных устоев, никогда бы не пошла на собственноручное убийство. Совсем другое дело, быть соучастницей. Тут ее моральные устои ничего против не имели. Исходя из этого, всю грязную работу должна была взять на себя Гретта. В означенное время, или по какому-то условному звуковому сигналу, она стремительно врывается в номер, тут же под рукой, специально уже приготовленный, кофейник, и она запускает им в голову мужу. Тот падает, и выглядит абсолютно мертвым. Не будучи сведущими в медицине, женщины ошибочно констатируют успешное завершение операции. Гретта исчезает из номера, а Сара, приведя себя в надлежащий вид, то бишь разодрав на себе одежду и слегка расцарапав для убедительности свое лицо, вызвала «скорую». Ну а та, в свою очередь, вызвала полицию.

ЗАК. Круто! Мне бы такую отчаянную и решительную женщину, как Гретта! Стэн, если она повторит попытку и та окажется более удачной, ты не будешь возражать, если я за ней приударю?

СТЭН. Пошел к дьяволу!

ЗАК (обращаясь к Энтони). Да, но что же теперь? Стэн жив, и вообще...

ЭНТОНИ. Ты только что сам ответил на свой вопрос.

ЗАК. В каком смысле?

ЭНТОНИ. Как только утрясется это дело, а оно утрясется очень быстро, потому как выглядит обыкновенной семейной разборкой на почве вспыхнувшей ревности, к тому же не приведшей к трагическим последствиям, Гретта Корвик, выждав какое-то время, повторит попытку. Она, как мне кажется, из той породы женщин, которые идут до конца. И если с первого раза задуманное не удалось, то можно не сомневаться, что последует и второй, а, если понадобится, и третий раз, пока, в итоге, конечная цель не будет достигнута.

ЗАК. Стало быть, нам необходимо срочно что-то придумать! Но, что?

ЭНТОНИ. Все очень просто. Надо изменить завещание. И тогда пропадает сам смысл убийства.

ЗАК. Разве, только, Гретта захочет убить его из спортивного интереса. Или, на худой конец, как несостоятельного, в интимном плане, мужчину.

СТЭН. Энтони, ты действительно считаешь, что она повторит попытку?

ЭНТОНИ. Можешь даже не сомневаться. К тому же, она должна Саре выплатить гонорар за соучастие. И гонорар, как я понимаю, довольно таки крупный.

СТЭН. Ох, как это все не вяжется с ней, с моей очаровательной крошкой, с моей Греттой!

ЗАК. Ты просто, старина, не знаешь женщин.

ЭНТОНИ (обращаясь к Стэну). Надо немедленно вызвать сюда твоего нотариуса и в срочном порядке переписать завещание.

СТЭН. Не получится.

ЭНТОНИ. Это еще почему?

СТЭН. Мой нотариус укатил на море, развеяться. Приедет не раньше, чем через месяц. И связаться с ним до его возвращения нет никакой возможности.

ЭНТОНИ. Да, проблема! Не сегодня-завтра заявится твоя жена, как только ей сообщат, что ты пришел в себя.

ЗАК. И если она что-то заподозрит, то тогда неизвестно, что ей спадет на ум.

ЭНТОНИ. Верно. Гретта ведь думает, что ты ничего не знаешь. Что все случившееся ты объясняешь, как ее обыкновенную женскую ревность, перешедшую в легкое рукоприкладство.

СТЭН. Да уж, легкое!

ЭНТОНИ. Это я так, образно.

ЗАК. Так что же, все-таки, будем делать?

ЭНТОНИ. Надо выиграть время. Любым способом.

ЗАК. Но как?

ЭНТОНИ (на секунду задумавшись, вдруг почти выкрикнул). Амнезия!

ЗАК. Чего-чего?

ЭНТОНИ. Гениально! Стэн пришел в себя, но он ничего не помнит. Черепно-мозговая травма, это как раз то, что вполне может привести к полной потере памяти.

Итак. Ты абсолютно ничего не помнишь. Ни кто ты такой, ни своего имени, и естественно, совершенно не знаешь женщину, которая придет тебя навестить и будет утверждать, что она твоя жена. Так месяц вполне можно протянуть. А там вернется нотариус, ты перепишешь завещание...

СТЭН. И что дальше?

ЗАК. Да, действительно!

ЭНТОНИ. А потом уж сам соображай. Продолжать ли и дальше жить с этой женщиной и постоянно вырабатывать адреналин, все время ожидая, что у нее найдется таки соблазнительный повод убить тебя, или же развестись с ней и начать жизнь сначала.

ЗАК. Не думаю, что все так будет просто. Вы, господа, забываете, что речь идет о женщине. А женщина, это такое создание, что может убить и без всякого повода, если ее довести до крайности. Вернее, доведение до крайности, это как раз и будет основным и единственным поводом. А развод, насколько я понимаю, именно и станет той самой крайностью для нее. Какие средства к существованию у нее тогда останутся?

СТЭН. Да практически никаких. Состоятельных родственников у нее нет. Работать она не работает. Хотя, в свое время она получила музыкальное образование по классу виолончели. И, кстати, ей предрекали, в этом плане, великое будущее.

ЭНТОНИ. Вот и прекрасно! Будет давать концерты в подземном переходе. Виолончель есть?

СТЭН. Нет. Она ее толи кому-то подарила, толи выбросила.

ЭНТОНИ. Не беда, купишь. И преподнесешь ей в день развода, в качестве поощрительного приза за счастливо проведенные супружеские годы.

ЗАК. Ага, сидит Гретта на деревянном ящике и пиликает на своей виолончели. В пустом футляре, за весь день, пару мелких монет. Ее отчаяние достигает апогея. А кто виноват во всем? Презренный Стэн Корвик! Она жаждет застрелить его, но денег на покупку пистолета нет. Она крепко сжимает виолончель, стараясь унять рыдание. И тут ее озаряет. Она снимает с виолончели струну. Теперь у нее есть оружие. Она поджидает в подъезде, она, как никогда, настроена решительно. В ее мыслях лишь одно: «Удавить негодяя, выбросившего ее просто-напросто на улицу! Удавить струной от виолончели. Более достойной смерти он не заслужил»... Кстати, там ведь разные струны. Какой лучше душить, толстой или которая потоньше?

СТЭН. Не знаю, не пробовал. И вообще, что за чушь вы тут несете?!

ЭНТОНИ (обращаясь к Заку). По-моему, он еще до конца не понял серьезности своего положения.

ЗАК. Да понять то он понял, но не до конца еще поверил.

ЭНТОНИ. А твоя последняя версия тоже вполне может иметь место.

ЗАК. Конечно может! Поэтому я и предлагаю...

ЭНТОНИ. Что?

СТЭН. Что?

ЗАК. Может, это... сыграть на опережение, и самому ее, того...

СТЭН. Что, того? Ты это о чем?

ЭНТОНИ. Он о том, что твоя Гретта успокоится только в могиле. И он предлагает отправить ее туда раньше, чем она туда отправит тебя.

СТЭН. Вы что, с ума сошли?! Да ни за что в жизни!

ЗАК (пожимая плечами и разводя руками). Интеллигент. Ничего не скажешь.

ЭНТОНИ. Голубая кровь.

ЗАК. Потомок первых миссионеров, наивно полагающих, что любого человека можно изменить всего лишь добрым словом и ласковым взглядом.

СТЭН. Да идите вы к дьяволу! Убить Гретту! Уму не постижимо!

ЗАК. А валяются бездыханным в грязном подъезде, со струной от виолончели на шее, это для твоего ума постижимо?

СТЭН. Во-первых, какой, к чертям собачим, подъезд! У меня частный дом. А во-вторых, Гретта на это неспособна!

ЭНТОНИ. Неспособна на что?

СТЭН. Ну, чтобы, это... струной...

ЭНТОНИ. Стало быть, сам факт возможности быть ею убитым ты не отрицаешь. И нюанс лишь в деталях. То бишь в способе. Я правильно понял?

СТЭН. Ну, не знаю... Возможно... Вы меня совсем сбили с толку.

ЗАК. Ладно, Гретте, для того, чтобы убить своего мужа, может и не по душе будет чересчур уж насильственный способ, но мы как-то совсем выпустили из виду Сару Гросби. Мы ей дали статус высокоморальной особы, способной лишь на соучастие второстепенного плана. А что, если это не так? Что, если ее высокие моральные принципы, лишь ширма, скрывающая до поры до времени ее истинную кровожадную сущность. И вполне возможно, что в твоём убийстве, дорогой Стэн, она будет играть первую скрипку. А твоя ненаглядная виолончель будет у нее помощницей. И совсем не исключено, что первоначальный план твоей ликвидации был придуман и разработан именно ею, Сарой Гросби.

ЭНТОНИ. Как бы там ни было, но мы теперь знаем наверняка: они вместе, и они заодно. А это значит, что операция под кодовым названием «Амнезия» - единственно правильное, на данный момент, решение. Будем выигрывать время, сколько сможем. Глядишь, авось клубочек и сам развяжется. Иногда преступник не выдерживает длительной неопределенности, и тогда, в момент минутной слабости, признается во всем... Ну так что, мой друг, ты готов воплотиться в образ полного придурка, никого и ничего вокруг не узнавая?

СТЭН. Ну, в общем-то...

ЗАК. Он готов. Я вижу это по выражению его лица. Вот именно с таким идиотским выражением ты и будешь отныне встречать и провожать всякого, кто войдет в эту палату. Будем выигрывать время. А там, если даст Бог, разоблачим эту женскую банду... А ну-ка (подходит к Стэну и наклоняется над ним), сделай соответствующие глазки. А то взгляд еще какой-то не тот, слишком умный для полного идиота... Во, в самый раз!

ЭНТОНИ. А зачем ему выглядеть полным идиотом? Думаю, что полной потери памяти вполне будет достаточно.

ЗАК. Не скажи! Идиот уже сам по себе вызывает жалость. Хочется лишний раз помочь, посочувствовать.

ЭНТОНИ. Да, или сразу пристрелить, чтоб не мучился всю оставшуюся жизнь.

СТЭН. Да нет, действительно, достаточно будет одной потери памяти! К тому же, какой из меня идиот?!

ЗАК. Ты себя недооцениваешь, дружище! Впрочем, как хотите. Но с идиотом было бы лучше. Тихо, кто-то идет!..

Входят доктор и медсестра.

ДОКТОР. Ну, как тут наш бессознательный? Пришел в себя? Вот и славно!

ЭНТОНИ. Пришел, только вот, кажется, не туда.

ДОКТОР (уставившись внимательней на Стэна). В каком смысле?

ЗАК. Не помнит, как его зовут.

ДОКТОР. Ну, это бывает. Ничего страшного. Скоро пройдет.

ЭНТОНИ. Он, доктор, к тому же еще совершенно ничего не помнит из своего прошлого.

ДОКТОР. А это уже сложнее. Частичная потеря памяти, еще, куда ни шло, а вот полная, это уже серьезно. Но говорить, насколько я понял, он все-таки в состоянии.

ЭНТОНИ. В состоянии, но очень тихо и невнятно.

ДОКТОР. Это слабость. Сейчас мы ему сделаем укольчик, и он воспрянет. Да, голубчик?.. Магда (обращается к медсестре), вкатите ему полтора кубика.

МЕДСЕСТРА. Не маловато будет, доктор? Может сразу все четыре?

ДОКТОР. Нет-нет, полтора будет вполне достаточно.

Медсестра помогает Стэну повернуться на бок, и делает ему укол.

СТЭН. Ох!

ДОКТОР. Ну вот, и голос немного окреп. Верно, голубчик?

СТЭН. Да, док, стало лучше.

ДОКТОР. За дверью дожидается одна особа, думаю, она поможет вам восстановить память. Сестра, пригласите мадам.

В палату буквально влетает Гретта

ГРЕТТА (сразу же бросаясь к Стэну). Дорогой, ты в порядке! Как я счастлива! Ты не представляешь, что я пережила за то время, когда ты был без сознания! Я уже подумала, что убила тебя. Ты лежал такой бледный, и такой... мертвый!.. Но, ты меня должен понять. На моем месте любая бы не выдержала, увидев такое! Но это уже в прошлом. Ты мне дашь слово, что этого больше не повторится, и этого вполне будет достаточно. Я прекрасно понимаю, что даже самый идеальный муж может разок оступиться. Такова уж мужская натура. И нам, женщинам, приходится лишь смириться. Сейчас мы поедem домой... Доктор сказал, что у тебя, практически, все в порядке, и как только ты придешь в себя, тебя сразу же могут выписать, ссылаясь на то, что достаточно будет и домашнего ухода. Так ведь, доктор? Я могу его забрать?

ДОКТОР. Сейчас посмотрим. Мистер Корвик, вы узнаете эту женщину?

СТЭН. Нет.

ГРЕТТА. Ха-ха! Довольно оригинальная шутка! Ну, ладно, любимый, хватит дурачиться! Дома тебя ждет сюрприз.

ЭНТОНИ (про себя). Кто бы сомневался. Либо кофе с мышьяком, либо неосторожное обращение с бензопилой. В зависимости от настроения.

ДОКТОР. Думаю, о выписке говорить еще рановато. Потеря памяти, или, если хотите, амнезия, очень своеобразная форма недуга, и подходить к ней нужно очень деликатно.

ГРЕТТА. Да какая еще амнезия! Что вы тут мне голову морочите! Это я (трясет Стэна за плечи), твоя Гретта, твой цыпленок!

ЗАК (про себя). Скорее, рождественская индейка.

ГРЕТТА (продолжая трясти Стэна). Ну же, вспоминай!

СТЭН (прерывающимся от тряски голосом). Простите, но я вас не знаю.

ДОКТОР. Думаю, мадам, вам сейчас лучше оставить его в покое. Ваш муж не груша, и при тряске воспоминания не посыпятся. Придете завтра, может быть к тому времени ситуация изменится.

ГРЕТТА (рыдая в носовой платок). Да-да, конечно. Разумеется, я приду завтра. Доктор, а вы уж постарайтесь, чтобы он как можно быстрее выздоровел. Это просто невыносимо, когда тебя не узнает собственный муж!

ДОКТОР. Сделаем все возможное, можете не сомневаться.

Гретта, бросив прощальный взгляд на Стэна, покидает палату.

ДОКТОР. Магда, дайте нашему беспмятному двойную дозу успокоительного. Ему после такой встряски не помешает. А мне принесите-ка в кабинет кофейку.

МЕДСЕСТРА. Как обычно, с коньяком?

ДОКТОР (несколько смутившись). Гм... Как обычно.

Доктор уходит.

МЕДСЕСТРА (подходит к койке Стэна). Вот, мистер Корвик, примите. Две таблетки.

СТЭН. Благодарю вас. Я приму их позже. Они заменят мне ланч.

МЕДСЕСТРА. Шутите, значит идете на поправку. Нет, мистер Корвик, это надо принять сейчас.

Стэн глотает таблетки. Медсестра уходит.

ЗАК. Ну, дружище, с тебя причитается! Если бы не идея с амнезией, ехал бы ты сейчас домой, навстречу своей гибели.

ЭНТОНИ. А, какова она! Даже глазом не моргнула, когда собиралась забирать тебя!

ЗАК. Очевидно, Сара в это самое время заканчивает последнюю подготовку. Возможно, вырыли уже могилку в саду, на тот случай, если придется задействовать запасной вариант. А именно: исчезновение Стэна Корвика. Уехал куда-то, и бесследно пропал. Через определенное время, не найдя никаких его следов, официально объявят, что Гретта Корвик отныне считается вдовой, и может с чистой совестью и траурным выражением лица принимать наследство.

ЗАК. Хорошо, а каков же тогда основной вариант?

СТЭН. Да, действительно!

ЭНТОНИ. Основных может быть несколько. Случайное падение с лестницы, трагический случай купания в озере, отравление грибами, автокатастрофа...

ЗАК. Можно добавить и более изощренные способы. Удар молнии, например. Или нападение в лесу стаи волков.

СТЭН. Но у нас в округе никогда не было волков!

ЭНТОНИ. Это не аргумент. Для такого случая твоя обожаемая женушка, на пару со своей высокоморальной подружкой, специально разведут в ближайших зарослях десяток голодных серых хищников.

ЗАК. Ну и никак нельзя обойти вниманием такое распространенное явление, как самоубийство! Разочарование в жизни может охватить в любой момент. Скажем, подозрение в супружеской неверности любимой жены. Минутная слабость, и ты уже болтаешься на люстре со счастливой улыбкой отмищенного рогатого индивидуума.

ЗАК. А двум умным, объединенным одной целью, женщинам повернуть подобный фокус, не давая полиции даже минимального повода думать, что здесь что-то нечисто, раз плюнуть.

СТЭН. Хватит, друзья. Думаю, что перечисленных вариантов, более чем достаточно. Даже, признаться, немного лестно. Гретта никогда не уделяла мне такого внимания. Признаться, я и сам в том виноват. Очень мало времени проводил с ней. Всё дела, дела.

ЭНТОНИ. А теперь две шикарные дамы полностью заняты мыслями о тебе, и только о тебе. Счастливчик!

ЗАК. Как говорится: любовь до гроба!

СТЭН. Но что же, все-таки, делать?

ЗАК. Не унывай, старик! Все будет нормально! Мы знаем все их карты...

ЭНТОНИ. А они наши не знают. Они даже не догадываются, что нам все известно!

ЗАК. И это наш главный козырь.

СТЭН. У тебя есть уже какие-нибудь соображения?

ЗАК. Кое-что. Во-первых, их надо разъединить. Вывести Сару из игры.

ЭНТОНИ. Но каким образом?

ЗАК. Элементарно! Она влюбится в меня! А влюбленная женщина – безоружна; и опасна она тогда, не более чем вилка для десерта в гладиаторском поединке.

ЭНТОНИ. Да, в этом что-то есть. Гретта наверняка такой поворот событий не предвидела.

СТЭН. Только ты не забывай, дорогой мой дон Жуан, что если влюбленная женщина по какой-то причине заподозрит измену, ее любовь тут же превращается в ненависть. И тогда держись!

ЭНТОНИ (обращаясь к Заку). Да, мой друг, и тогда намечается еще более кровавая картина. Сначала Сара помогает Гретте избавиться от опостылевшего ей мужа, а затем Гретта помогает Саре рассчитаться с предавшим ее любовником.

СТЭН. А поскольку после этого назад дороги у них уже не будет, то и последнего члена нашей компании они постараются ликвидировать как можно быстрее, не откладывая дело в долгий ящик.

ЭНТОНИ. О-па!.. Я как-то упустил это из виду.

СТЭН. Не кажется ли вам, господа, что мы по уши одинаково в это влипли?!

ЗАК. Да-а!..

Занавес опускается. Поднимается. Та же больничная палата на следующий день. Стэну лучше, и он уже не лежит, а сидит на койке. Энтони ходит на костылях из угла в угол. Зак сидит на полу в позе «лотоса» и, подперев рукой голову, о чем-то думает.

СТЭН. Ну как, господа, какие будут идеи?

ЗАК. Я опять вынужден внести предложение, которое вчера вы с таким отращением отвергли.

ЭНТОНИ. Да, я тоже другого выхода не вижу. Если не мы их, то они нас.

СТЭН. Иными словами, как я понимаю, вопрос теперь состоит в том, что бы ликвидировать не только Гретту, но и Сару?!

ЗАК. А как же иначе! Где гарантия, что оставшаяся в живых не станет мстить за смерть подруги?

СТЭН. Гарантии действительно нет.

ЭНТОНИ. Стало быть, на том и порешим.

ЗАК. Неплохо бы составить план действий. Да и план-схему не мешало бы иметь.

ЭНТОНИ. Точно! Нам необходим подробный план дома и прилегающих к нему окрестностей.

СТЭН. Какого дома?

ЗАК. Твоего, конечно.

СТЭН. Это еще зачем?

ЭНТОНИ. А затем, что операцию по ликвидации Гретты и Сары нам нужно провести тихо и без каких-либо случайных свидетелей.

ЗАК. А это можно сделать лишь в том случае, когда досконально знаешь место проведения операции, и четко соблюдаешь разработанный план.

СТЭН. Какой еще план?

ЭНТОНИ. Который мы сейчас и составим.

ЗАК (доставая из тумбочки листок бумаги и ручку). Вот, подручные материалы.

СТЭН (ставя табурет на середину). Все сюда!

Все трое, как могут, располагаются на полу, вокруг табурета.

ЗАК (передает ручку Стэну). Черти план дома.

Стэн начинает чертить.

ЭНТОНИ. А это что?

СТЭН. Лестница в подвал.

ЭНТОНИ. Крутая?

СТЭН. Не то слово! Я всегда пытаюсь спускаться по ней очень осторожно. А Гретта вообще ею не пользуется, боится.

ЗАК. Отлично, отлично. Возможные варианты начали выстраиваться в очередь.

ЭНТОНИ. И первым из этих вариантов, падение с крутой лестницы в захламленный подвал. Удар головой о валяющийся цилиндр от мотоцикла, и...

ЗАК. Ангелы берут под ручки обмякшее тело и транспортируют его на небеса.

СТЭН. Какой еще цилиндр? У меня сроду не было мотоцикла. Да и подвал, никакой не захламленный, а в идеальном порядке!

ЗАК (обращаясь к Энтони). Любезный сэр! Вы, как юрист, обладаете профессиональным красноречием. Не считите за труд, объяснить нашему уважаемому коллеге, что мы, в сущности, имеем в виду.

ЭНТОНИ. Охотно. Цилиндр, мой друг, это не конкретная, а образная деталь. Нет цилиндра, значит, будет что-то другое. Например, канистра. Старая, ржавая.

СТЭН. Почему ржавая?! Почти как новая!

ЭНТОНИ. Хорошо, пусть будет новая. Или, почти как новая. Это не столь важно. Просто старая и ржавая, как-то более романтично.

ЗАК. Или, к примеру, валяющийся, как попало, домкрат. Только не акцентируй опять, что твой подвал в идеальном порядке. Для нашей операции как раз идеальный порядок и не нужен.

СТЭН. А может она просто сломать себе шею, без всяких там канистр и домкратов?

ЭНТОНИ. Вполне!

ЗАК. Вопрос только в том, кто именно будет ломать себе шею!

ЭНТОНИ (обращаясь к Стэну). Ты не против, если это будет Гретта?

СТЭН. Только в том случае, если Саре не достанется менее легкая смерть. Не хотелось бы, чтобы моя Гретта страдала больше. Как-никак, а мы с ней прожили, без малого, восемь лет.

ЭНТОНИ. Что ж, тогда остается определиться: либо выбрать для Сары более ужасную смерть, либо смиростивиться над ней и отдать роль падающей с лестницы; после чего придется поломать голову, каким способом, менее кровавым, чем уготован Саре, упокоить Гретту.

ЗАК. Может, напугать? Ночью, в спальне, переодевшись привидениями... Она просыпается, вскрикивает, сердце не выдерживает, и замертво падает на подушку. Каково, а?!

СТЭН. Смотри, как бы сам у нее не упал замертво, когда она в тебя зарядит настенными часами!

ЭНТОНИ. Она что, так обожает метать в людей всякими предметами?

СТЭН. Когда не видит других аргументов. Или, когда не успевает их увидеть. Ее чрезмерная энергия зачастую опережает ее мысль.

ЗАК. А у нее бывают мысли?

СТЭН. И очень даже умные!

ЭНТОНИ. Например, убить своего мужа.

ЗАК. Затем получить наследство, и умотать с... Слушай, а ты уверен в ее сексуальной ориентации? Может Гретта с Сарой того?.. Тогда в их намерениях относительно тебя, вообще, все предельно ясно!

ЭНТОНИ. Кстати, очень интересная мысль! Я бы даже сказал: мысль, имеющая право на существование.

СТЭН. Да вы, друзья мои, просто спятили! Мне ли не знать сексуальную ориентацию Гретты! Да вы даже не представляете, что это за женщина, как женщина!

ЗАК. Очень убедительно. Но ответь-ка, давненько ли ты имел с ней дело, как с женщиной?

СТЭН. Честно признаться, давненько. Уже, поди, с полгода будет.

ЭНТОНИ. Ого! В таком случае могу тебя уверить, что наши с коллегой предположения не такие уж и нелепые. Вот тебе короткий тест. Ты хорошо помнишь вашу последнюю ночь любви? Ну, или утро, или вечер; не знаю, когда вы предпочитаете этим заниматься. Так как, хорошо?

СТЭН. В принципе, сие событие довольно таки свежо в моей памяти.

ЭНТОНИ. И что, все было на таком же эмоциональном уровне, как и всегда?

СТЭН. Не совсем. У нее разболелась голова.

ЭНТОНИ. Так. А теперь припомни, кто последним уклонился от предложения интимной близости?

СТЭН. Гретта. Да, именно она.

ЗАК. Готов спорить, что у нее опять разболелась голова!

СТЭН. Да, у нее разболелась голова.

ЭНТОНИ. Вот и делай выводы.

СТЭН. Странно, сейчас и я уже начинаю думать, что... Фу, какая гадость! А я еще хотел от нее иметь детей! Терзайся потом сомнениями, твои они, или чужие!

ЗАК. Ну, дружище, этот нюанс немного не в тему.

ЭНТОНИ. Кажется, кто-то идет! Разбегаемся по койкам!

ЗАК. Поздно! Никому ни с места!

Заходит медсестра.

МЕДСЕСТРА. А что это вы тут делаете?

ЗАК. Да вот, обучаем азбуке нашего бедного друга. Он никак не может вспомнить название своего любимого пива.

МЕДСЕСТРА. А то, что это именно пиво, он, значит, помнит?!

ЭНТОНИ. Только сугубо на подсознательном уровне.

МЕДСЕСТРА. Тогда могу предложить вашему бедному другу кое-что к пиву.

Мистер Корвик, к вам опять ваша жена.

ЗАК. В качестве воблы.

СТЭН. Опять эта вчерашняя экстравагантная особа?! Но я же сказал, что не знаю ее! Что она от меня хочет?

МЕДСЕСТРА. Может, желаете пару таблеток успокоительного?

СТЭН. Нет, не желаю. От вашего успокоительного эта ужасная женщина, которую вы мне тут навязываете в качестве жены, всю ночь преследовала меня в кошмарах!

Залетает Гретта с сияющей улыбкой.

ГРЕТТА. Так я тебе все-таки снилась, мой малыш?!

СТЭН (шарахаясь от нее, как от проказы). Оставьте, наконец, меня в покое! Я вас не знаю! Сестра, оградите меня от нее!

Гретта, отступая в сторону, начинает рыдать.

К ней подходит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Ну-ну, успокойтесь, милочка. (Шепчет ей на ухо.) У меня в шкафчике есть бейсбольная бита. Один спортсмен подарил. Может, навернуть его по голове этой битой?! Глядишь, он все и вспомнит! Одна моя подруга, таким образом, вылечила своего бой-френда. Он, видите ли, забыл, что обещал на ней жениться.

ГРЕТТА. Нет, спасибо голубушка. Не думаю, что это лучший способ. Он у меня такой особенный! Его можно вылечить только лаской.

МЕДСЕСТРА. Ну, как знаете.

Уходит.

ГРЕТТА (обращаясь к Стэну). Тетушка Дороти просила передать тебе привет. Ты ее, наверное, тоже не помнишь, дорогой?

СТЭН. Вы удивительно догадливы, мадам.

ГРЕТТА. Кстати, она вписала тебя в свое завещание. После ее смерти тебе достанется Аграфена. Помнишь, как ты любил на ней кататься?

СТЭН. Простите, но ни на какой гангрене я не катался!

ГРЕТТА. На Аграфене. Впрочем, не надо, не напрягайся. Доктор сказал, что тебе нельзя себя насиловать попытками что-нибудь вспомнить. Твоя память сама собой восстановится в ближайшее время. А пока, просто отдыхай и ничем не утруждай себя. Я буду навещать тебя каждый день, милый. Я ведь тебя очень люблю. И всегда буду любить, что бы с тобой ни случилось. Вот, я тут кое-что принесла. Пирожки с капустой, твои любимые. Ну, до завтра! Целую.

Посылает воздушный поцелуй и выходит из палаты.

ЗАК. Молодец! Достоинно держался!

ЭНТОНИ. Но какая артистка! Как она превосходно сыграла! И смех, и слезы, и любовь!

ЗАК. А кто такая Аграфена?

СТЭН. Старая кляча. Когда-то Дороти купила ее еще жеребенком, хотела сделать из нее скаковую лошадь. И не просто скаковую, а настоящего чемпиона. Бедное животное так загоняли, что в итоге, покалечили. И теперь Аграфена доживает свой век рядом с этой сварливой, выжившей из ума, каргой.

ЭНТОНИ. А не кажется ли вам, друзья мои, что эта Дороти не случайно всплыла? Вы заметили, как блеснули глаза у Гретты, когда она вспомнила об этой особе?

ЗАК. Точно! Она тоже в деле!

СТЭН. Кто?

ЭНТОНИ. Дороти, конечно.

СТЭН. Бред! Эта скупая самовлюбленная жаба? Да она и Аграфену мне в наследство завещала только потому, что прекрасно знает, кобылка окочурится намного раньше ее самой. И вообще, Дороти – обыкновенная вредная старушенция, способная лишь на то, чтобы ворчать с утра до вечера, да распускать грязные сплетни.

ЗАК. Не скажи. Старушки иногда умеют, ой как перевоплощаться! Живет такой божий одуванчик, пусть даже и ворчливый, с виду совсем безобидный, и вдруг в один прекрасный день, за завтраком, читаешь в утренней газете, что некая особа преклонных лет расчленила в сарае бывшего зятя, потому что тот задержался с выплатой алиментов, в результате чего ее внук остался без велосипеда.

ЭНТОНИ. Мне тоже как-то пришлось защищать одну дамочку лет шестидесяти. Она отстреливала рокеров, которые шумели за ее окном и мешали смотреть любимый сериал.

СТЭН. И много успела настрелять?

ЭНТОНИ. Трех наповал, и еще двое отделались серьезными ранениями.

ЗАК. А между прочим, Дороти не обязательно владеть ружьем или топором, для этого есть Сара и Гретта. Она вполне может участвовать как знахарка. Вернее, колдунья. Изготовит зелье какое, или отвар, Гретта подмешает в напиток, и всё... Через пять минут душа стремительно несется в рай.

ЭНТОНИ. Кстати, эти пирожки с капустой вполне могут быть билетом на тот свет.

СТЭН. Вау! (берет с отвращением пакет с пирожками и швыряет в мусорную корзину) Вот же, стерва! Не может даже дожидаться моей выписки из больницы! Не терпится ей меня похоронить!

ЭНТОНИ. Да нет, мой друг, здесь игра намного тоньше. Если ты умрешь в больнице, то Гретта, при любом раскладе, вне подозрений. Мало ли что ты там съел! К тому же, наверняка Дороти знает свое дело, и изготовила такой состав, что ни одна экспертиза точно не определит, отравился ли ты чем-то, или у тебя просто случился сердечный приступ.

ЗАК (обращаясь к Стэну). А так как ты человек порядочный и справедливый, то, несомненно, угостил бы пирожками и своих соседей по палате. А это уже три сердечных приступа. Дешево и надежно.

СТЭН. Ух! Аж мурашки по спине побежали.

ЭНТОНИ. Друзья, нам нужно действовать немедленно!

ЗАК. Разумеется, особенно учитывая твоё положение (кивает на загипсованную ногу Энтони).

ЭНТОНИ. О, черт! Действительно! Я и забыл совсем! Мне еще недели две предстоит здесь проваляться, не меньше.

ЗАК. А Стэна могут выписать в любой момент.

ЭНТОНИ. Как только память начнет к нему возвращаться.

ЗАК. И как только он вспомнит свою любимую женушку.

ЭНТОНИ. И тогда, мой друг, ты останешься один на один... вернее, один против трех... коварных, безжалостных... Как их назвать?

ЗАК. Фурии.

ЭНТОНИ. Точно! Против трех коварных и безжалостных фурий.

ЗАК. Меня ведь тоже, раньше, чем дней через десять, не выпустят.

ЭНТОНИ. Поэтому, будем продолжать держать оборону. Из больницы нам нужно выходить только всем вместе.

ЗАК. По одиночке они с нами враз расправятся.

ЭНТОНИ. В этом нет никаких сомнений. А посему, продолжим составлять план возможных ликвидаций наших фурий. Мы должны быть во всеоружии, когда выйдем отсюда. Каждый из нас будет иметь четкую задачу для выполнения. От заслуженной кары им не уйти. Мы избавим мир от этих чудовищ!

ЗАК. А заодно и сами от них избавимся.

СТЭН. А как же быть с нотариусом? Может, не стоит форсировать события, а дожждаться его прибытия, изменить завещание, и тогда все останутся живы и здоровы. Гретте не будет никакого смысла меня убивать, а мне, исходя из этого, не придется, опережая события, стремиться убить ее. Разве только мысленно.

ЭНТОНИ. Мой наивный друг, вы совсем не разбираетесь в женской логике.

СТЭН. Это почему же?

ЗАК. А потому, что логики у женщины вообще нет!

ЭНТОНИ. Ну, это ты сгоряча. Логика у женщины, конечно же, имеется. И она самая, что ни на есть, женская.

ЗАК. Тебе виднее. Когда очаровательный прокурор в юбке выиграла процесс и добилась для твоего подзащитного максимального срока заключения, она наверняка тогда пользовалась своей женской логикой. И твой полет из окна четвертого этажа был логическим тому подтверждением.

ЭНТОНИ. Вполне возможно. И ты прав, она действительно очаровательна... И отличный прокурор!.. Но вернемся к сути. Дорогой Стэн, насколько я успел разглядеть твою жену, за тот короткий отрезок ее театрального выступления в двух актах, которое она нам продемонстрировала вчера и сегодня, могу отметить следующее. Ситуация кардинально изменилась. Гретта, не просто женщина, которую в одно прекрасное утро осенила мысль, избавиться от надоевшего мужа, завладеть наследством, и стать свободной и независимой. Она замыслила убийство уже давно. Предположений здесь несколько. Но самое верное, мне кажется, только одно. До вашей свадьбы у Гретты были поклонники?

СТЭН. Кажется, да... А, припоминаю! Какой-то Оливер, или Мортимер. Насколько мне известно, Гретта даже собиралась выйти за него замуж. Но тут она встретила меня, и поняла, что совсем не любит этого своего Оливера – Мортимера. А спустя несколько месяцев мы поженились.

ЭНТОНИ. И после вашей свадьбы она никогда не вспоминала Оливера – Мортимера?

СТЭН. Только однажды, когда я сам, как-то, под впечатлением нахлынувшей вдруг на меня легкой лирической депрессии, - порой это случается со мной, хотя и крайне редко - спросил ее, не жалеет ли она, что вышла замуж за меня, а не за Оливера – Мортимера?

ЭНТОНИ. Очень интересно! И как она отреагировала?

СТЭН. Как-то очень нервно. И просила больше никогда об этом не говорить. Однако я не совсем понимаю...

ЭНТОНИ. Все гораздо проще, чем кажется. Гретта из-за чего-то поссорилась со своим женихом, и что бы насолить ему, выскочила замуж за первого встречного.

СТЭН. Я бы попросил!

ЗАК. Да, дружище, ты, по-моему, перегибаешь палку.

ЭНТОНИ. Извините, возможно, не за первого встречного, возможно, у нее был выбор, и она из нескольких вариантов выбрала более достойного, но, в конце концов, выскочила, и тем самым наказала своего бывшего жениха за обиду, которую он ей, якобы, нанес. А возможно и она сама была виновата, но только не желала себе в этом признаться; не столь важно. Главное, что она выскочила замуж под впечатлением эмоционального транса. Но очень скоро Гретта поняла, что наказала не только Оливера – Мортимера, но и себя. И себя даже в гораздо большей степени. Он-то остался свободен, и мог по-настоящему влюбиться, жениться, и быть счастливым, а вот она... А она, мало того, что навсегда потеряла, как ей казалось, единственную в жизни любовь, так еще и вынуждена жить с человеком, к которому она не только равнодушна, но и который ей просто противен, так как имеет право делить с ней супружеское ложе. Она возненавидела своего мужа. Ведь он сломал ей всю жизнь, растоптал и выбросил на помойку. И совсем неважно, что она была инициатором. Она всего лишь женщина, слабая и доверчивая. А он

– мужчина, и вся ответственность, естественно, лежит именно на нем, на Стэне Корвике. Да, мой друг, такова женская логика. И с каждым днем, месяцем, годом эта ненависть крепла все больше и больше, увеличиваясь в размерах, как снежный ком, катящийся с горы.

Не могу точно утверждать, в какой именно момент Гретта по-настоящему решила убить тебя. Может это пришло ей в голову через полгода после свадьбы, может через год, но когда это решение пришло, то для такой самолюбивой и властной женщины, как Гретта, решение это было окончательным и бесповоротным. Ты хочешь спросить, почему она не убила тебя еще тогда? О, тут я просто преклоняюсь перед твоей женой! Она растягивала удовольствие. Она каждый день с упоением взирала на тебя, как на потенциальную жертву, на будущий труп. Она игралась с тобой, как кошка с мышкой. Перед тем, как задавить мышку, кошке очень весело с ней позабавиться. Но в конце концов ей надоела эта забава, и она решила, что настал час расплаты. Дело осталось за малым: организовать и реализовать. И завещание твое, поверь мне, ей абсолютно по барабану. Впрочем, нет, оно достанется Саре и Дороти, как оплата за сотрудничество.

СТЭН. Но у нее же после этого ничего не останется! Что она будет делать потом?

ЗАК. Не волнуйся, дружище, она наверняка обо всем подумала. Не исключено, что она уже держит на крючке какого-нибудь богатого смазливового прощелыгу. И как только официально сделается вдовой, тут же заграбастает и этого состоятельного супчика и весь его крупный капиталчик.

СТЭН. Нет, это просто невозможно слушать! Да Гретта совсем не такая! Вы ее совсем не знаете! Она не способна на все те подлости, о которых вы тут дискусируете!

ЗАК. Ну вот, опять он пошел на попятную. Ты же сам уже убедился и согласился, что твоя обожаемая Гретта, это просто Сатана в юбке.

СТЭН. Да, вы заставили меня засомневаться в ней. Но... Все равно я в это не могу поверить... до конца.

ЭНТОНИ. Увы, мой друг, придется поверить. И поверить до конца. Вспомни ее глаза, когда она трясла тебя, пытаясь вернуть тебе память.

СТЭН. Да, в ее глазах было что-то пугающее. Я никогда ее такой не видел.

ЗАК. Вот именно! А теперь представь, как Сара ласкает тебя, усыпляя твою бдительность, Дороти поит тебя своим колдовским зельем, и твоя голова наполняется одурманивающим туманом, и тут из тумана появляется Гретта, с взглядом, о котором мы только что вспоминали, и начинает кромсать тебя разделочным топором.

СТЭН. Перестань! Это невыносимо! Я опять ее боюсь! Опять ненавижу!.. Давайте продолжим составление нашего плана.

ЗАК. Вот это другое дело! А то я уже начал сомневаться, мужчина ты или тряпка!

СТЭН. Я мужчина. И прошу извинить меня за минутную слабость.

ЭНТОНИ. Надеюсь, мой друг, ты не забыл свою роль. А то при таком эмоциональном разногласии немудрено и выдать себя раньше времени. А заодно и пустить насмарку все наши труды.

СТЭН. Я не забыл свою роль. Можете не беспокоиться. Я полностью в нее погружен.

ЗАК. Вот и отлично! Так, где наш чертеж. Ага, кажется, я засунул его под подушку (достаёт из-под подушки бумагу, но тут же прячет обратно, так как в палату входит медсестра).

СТЭН. О, нет! Только не говорите, что эта ненормальная, представившаяся моей женой, что-то забыла и вернулась!

МЕДСЕСТРА. Нет, мистер Корвик, успокойтесь. Особа, которая пришла, имеет другой цвет волос и отдает предпочтение другому парфюмерному аромату. Это к вам, мистер Пфайдорф!

ЭНТОНИ (крайне удивляясь). Ко мне?! Но позвольте, я никого не жду! Я же запретил кому-либо из моих родственников появляться! Терпеть не могу представлять перед близкими в таком жалком непристойном виде!

МЕДСЕСТРА. Мне очень жаль, сэр, но эта особа за дверью, и с вашей стороны будет не совсем учтиво не повидаться с ней.

ЭНТОНИ. Да, вы правы. Что ж, пусть заходит.

Медсестра выходит, и тут же в палате появляется
Аманда Финчли.

АМАНДА. Здравствуй, Энтони.

ЭНТОНИ (открыв от удивления рот, на мгновение опешил). Аманда?! Вот уж никогда бы не подумал!

АМАНДА. Что я могу тебя навестить? Глупенький. Я так за тебя испугалась, когда этот идиот выбросил тебя из окна!

ЭНТОНИ. Друзья, познакомьтесь, это Аманда.

СТЭН. Очень приятно, Стэн.

ЗАК. А я, Зак. И мне очень приятно. Вы, если не ошибаюсь, прокурор?

АМАНДА. Да. И мне так жаль, что последнее дело Энтони закончилось таким трагическим финалом.

ЗАК. Надеюсь, мисс, мы станем добрыми друзьями. Всегда хорошо иметь приятельские отношения с прокурором. Мало ли что в жизни может случиться!

АМАНДА. О, конечно же, мистер, э...

ЗАК. Зак. Просто Зак.

АМАНДА. Конечно же, мистер Зак. Но вот Энтони, например, абсолютный противник, каких бы то ни было корыстных знакомств. И особенно в юриспруденции.

ЗАК. Как знать! Может случиться так, что он вынужден будет пересмотреть свои убеждения. Мало ли что, повторяюсь, в жизни может произойти! Верно, старина?

ЭНТОНИ (несколько смущенно). Ничего не может произойти. Не обращай внимания, Аманда, это ведь больница, и иногда от безделья в голову лезет всякая ерунда.

АМАНДА. Ничего, все в порядке, милый, не принимай близко к сердцу. Мистер Зак очень обаятельный молодой человек, и он мне понравился.

ЗАК. Благодарю вас, мисс. Признаться, и я к вам сразу же почувствовал доверие, невзирая на то, что вы женщина.

АМАНДА. Вы ненавидите женщин?

ЗАК. Только тех, которые этого заслуживают

АМАНДА. Интересная философия. Надо будет с вами как-то подискутировать на эту тему.

ЗАК. Всегда к вашим услугам, очаровательная Аманда!

АМАНДА. Да вы просто змей-искуситель! А что же молчит мистер... Стэн, кажется? Из вас троих у него самый удрученный вид.

ЭНТОНИ. На то есть свои причины.

ЗАК. Бедолага, в результате несчастного случая, совсем потерял память.

АМАНДА. Бедненький. Как это ужасно!

СТЭН. И не говорите, мисс! Даже не могу вспомнить, курю я, или нет, чтобы выйти на балкон и выпустить в атмосферу струю табачного дыма.

ЭНТОНИ. Постой! Ты назвала меня милым. Или мне почудилось?

АМАНДА. Тебе не почудилось. Я давно намеревалась найти повод встретиться с тобой и поговорить. И там, на суде, я хотела помочь, но профессиональный долг взял верх.

ЭНТОНИ. Именно за это я тебя и любил. За то, что ты такая, какая есть.

АМАНДА. Любил?!

ЭНТОНИ. Да что там выкручиваться! Люблю! Конечно же, люблю! И думаю, даже уверен, что это чувство к тебе не покинет меня уже никогда.

АМАНДА. Милый мой Энтони, как я счастлива!

ЭНТОНИ. Значит, ты тоже?

АМАНДА. Конечно, глупенький! Разве ты этого не замечал?

ЭНТОНИ. Я так виноват перед тобой! Прости!

АМАНДА. Что ж, ты можешь загладить свою вину.

ЭНТОНИ. Я тебя правильно понимаю? Ты согласна выйти за меня?!

АМАНДА. Ну конечно же, дурашка!

ЗАК. Э, нет, ребята! Так дело не пойдет! Энтони, сделай предложение, как полагается, а мы со Стэном засвидетельствуем этот исторический момент.

ЭНТОНИ (пытаясь встать на одно колено, при этом вытянув зафиксированную ногу вперед). Аманда, я люблю тебя! Предлагаю руку и сердце! Будь моей женой!

АМАНДА. Мой милый, мой любимый Энтони, я согласна!

ЗАК. Теперь, поцеловались!.. (Аманда и Энтони целуются). Вот так! Теперь, полный порядок! А где же шампанское, господа?!

АМАНДА. И то верно! Я скоро!

Аманда в спешном порядке покидает палату.

СТЭН. Да, дела! Сюжет, как в романе!

ЭНТОНИ. Друзья мои, я будто заново родился! Мне хочется петь, танцевать, хочется летать!

ЗАК. Насчет летать, это уже было. Танцевать, в ближайшие несколько недель, вряд ли получится. А вот петь, это, пожалуйста! Но вот как теперь быть с нашим делом?

ЭНТОНИ. Вот, черт! А действительно! Я от счастья совсем потерял голову!

СТЭН. А интересно, если мы попадемся, Аманда может выступить на нашем процессе в качестве прокурора?

ЭНТОНИ. Только в том случае, если к тому моменту мы еще не будем женаты.

ЗАК. Стало быть, придется свадьбу немножко отложить.

ЭНТОНИ. Да о чем вы толкуете! Аманда в роли прокурора на нашем процессе! Да мы, благодаря ей, получим на полную катушку! Плюс, отягощающие обстоятельства. Как минимум, газовая камера.

СТЭН. Очень любопытно! А максимум тогда, что?

ЗАК. Очевидно, завтрак с крокодилами, в статусе закуски. А знаешь, твоя Аманда что-то мне уже разонравилась.

ЭНТОНИ. Она самая прекрасная женщина! И самый справедливый прокурор! Тебе, конечно, этого не понять. Ты даже представления не имеешь о чести и достоинстве.

ЗАК. Разумеется, куда уж нам! Мы престижных юридических образований не имеем!

СТЭН. Стоп, друзья! Вы что?! Не хватало, чтобы мы тут еще между собой перессорились.

ЭНТОНИ. Верно. Что-то мы, того... Не к добру все это.

ЗАК. Да, действительно. Словно змей-искуситель подбросил нам яблоко раздора.

СТЭН. Кажется, змеем-искусителем уже окрестили тебя.

ЗАК. Ну, значит, змея-искусительница.

ЭНТОНИ. Только прошу, не надо Аманду ассоциировать с этой самой змеей.

ЗАК. Извини, дружище. Я совсем не думал обвинять Аманду в наших, на мгновение вспыхнувших, трениях... Слушайте, братцы, а что, если нам приобщить ее?

СТЭН. Куда приобщить?

ЭНТОНИ. К чему приобщить?

ЗАК. Куда, к чему! Не разыгрывайте здесь детский сад. Вы прекрасно поняли, что я имею в виду.

ЭНТОНИ. Сделать Аманду соучастницей в убийстве? Да как у тебя язык-то повернулся такое предложить?! (он схватил костыль, с целью запустить им в Зака)

ЗАК. Спокойно, дружище! Я все понял! О ней больше ни слова! Пока не принесет шампанское.

СТЭН. Все-таки, что-то произошло. Вам не кажется, господа, что мы уже не так настроены? Что нас уже не очень волнует то, что буквально только что так волновало!

ЭНТОНИ. Мы просто выпали из колеи. Что же касается лично меня, то я этому обстоятельству рад.

ЗАК. Можно ли понимать тебя так, что ты откалываешься от нашего коллектива, и рассчитывать в операции на тебя не стоит?

ЭНТОНИ. Вовсе нет, друзья мои. Я рад, что выпал из колеи благодаря Аманде. Рад, что признался ей в любви, сделал предложение. И безмерно рад, что она дала свое

согласие! Но я по-прежнему ваш друг и соучастник. Будем идти до конца, как наметили. А там, как судьба распорядится! Единственное, что для меня теперь будет более обидно, это, если нам не повезет, и мы окажемся за решеткой. Еще несколько мгновений назад я сей, вполне вероятный, факт воспринимал значительно спокойнее. Но теперь у меня есть моя Аманда, и жаль будет, если мы так и не успеем насладиться нашим обоюдным маленьким счастьем.

ЗАК. Отличные слова, старик! Будь я сейчас в театре на драматическом спектакле, непременно бы прослезился. Но в этой больничной обстановке слезы, почему-то, ну никак не проявляются!

СТЭН. А вот я прослезился! И вот что я вам скажу, мои дорогие. Вся эта операция по ликвидации Гретты и ее банды гроша ломаного не стоит, после прихода Аманды. Разве вы не убедились, насколько прекрасна жизнь, с ее непредсказуемыми поворотами, и прочими неожиданными сюрпризами! Зак, посмотри на Энтони. Он же сияет от счастья! Он самый счастливый человек не только в этой палате, но, возможно, и во всем мире. И рисковать всем этим, ради чего? Ради того, чтобы отправить в мир иной трех никчемных дамочек?! Да ты сам, Зак, не сегодня-завтра встретишь ту единственную, ради которой готов будешь перевернуть всю Вселенную. А вместо этого, составляешь сейчас неподобающие джентльмену планы убийства, и тем самым рискуешь проскочить свой поворот и оказаться на обочине жизни. Нет, ребята, я этого не хочу. Уж если мне суждено умереть по воле Гретты, то пусть так и будет. Лично я с ее головы даже волоска не смогу тронуть, не то, чтобы убить! А посему, я вывожу вас из игры, и больше, прошу, эту тему не поднимать.

ЗАК. У меня просто нет слов.

ЭНТОНИ. Я, как-то, тоже не нахожу, что ответить.

СТЭН. И ничего не надо находить. Пусть все идет по воле Божьей.

ЗАК. Но ведь нам всем, как мы проанализировали, грозит определенная опасность! Всем троим!

ЭНТОНИ. Что касается меня, то плевать я хотел на все опасности. С Амандой мне ничего не страшно.

ЗАК. Разумеется! Я бы тоже под таким крылышком чувствовал себя в полной безопасности. Только попробуй организовать какое-либо покушение на прокурора или на кого-нибудь из его ближних, такое подымится, косточек не соберешь!

СТЭН. Да ерунда это все! Никто не будет на вас покушаться. Это мы просто немножко расфантазировались. Гретте вполне достаточно будет и меня одного. А все эти предположения о ликвидации потенциальных свидетелей и прочее, плод нашего перевозбужденного воображения. Так что, я резко иду на поправку, моя память в ускоренном режиме начинает восстанавливаться, завтра Гретта заберет меня из больницы... Нет, даже сегодня! Сейчас я позову сестру и попрошу, чтобы срочно вызвали мою жену, которую я вспомнил и без которой просто не могу жить. А там, будь что будет!.. Сестра!..

Но вместо медсестры в палату, с рассеянным озабоченным взглядом, заходит доктор.

ЗАК. Нет, это явно не сестра. Впрочем, если побрить...

СТЭН. О, доктор, как хорошо, что вы зашли! Моя память полностью ко мне вернулась и... (удивленно следит, как доктор, по очереди, заглядывает под койки). Что с вами? Вы что-то ищете?

ДОКТОР. Да нет, просто проверяю, в порядке ли там всё.

ЗАК. Не иначе как инвентаризация уток.

ЭНТОНИ. И все-таки, доктор, вы что-то ищете.

ДОКТОР (все с тем же рассеянным видом). Нет-нет, ничего, ерунда.

СТЭН. Доктор, хочу попросить, связаться с моей женой и передать ей, что я абсолютно здоров, и пусть она немедленно приедет и заберет меня. Вы меня слышите?..

ДОКТОР (совершенно не понимая, что говорит пациент). А?... Да-да, конечно. Сейчас сестра принесет вам успокоительное.

СТЭН. Какое еще, к черту, успокоительное!

ЗАК. Кажется, здесь пора ставить еще одну койку.

ЭНТОНИ. Доктор, это мы, ваши пациенты. Вы узнаете нас?

ДОКТОР. Я где-то потерял свою записную книжку. Вы ее не находили?

СТЭН. Ух, слава Богу!

ДОКТОР. Она у вас?! Вы нашли ее?!

ЭНТОНИ. Нет, дорогой доктор. Просто наш товарищ выразил глубокое удовлетворение тому обстоятельству, что с вами все в порядке.

ДОКТОР. Если книжка окажется в руках кого-то из персонала, то вполне вероятно, она может попасть к моей жене.

ЗАК. А там что, секретные коды запуска баллистических ракет?

ДОКТОР. Там номера телефонов, которые она может неправильно понять.

ЭНТОНИ. Неправильно или правильно?

ДОКТОР. Ох, там еще и кое-какие заметки! Она, несомненно, подаст на развод!

СТЭН. Эх, доктор, мне бы ваши проблемы!

ДОКТОР (разговаривая сам с собой). Может, я забыл ее в парадном костюме? Тогда все нормально. Люси не имеет привычку проверять мои карманы.

Размышляя в таком ключе, доктор выходит из палаты.

СТЭН. Ну вот, пожалуйста! Он даже не удосужился заметить, что его пациент выздоровел.

ЭНТОНИ. Ему сейчас явно не до этого.

СТЭН. Не до этого. А клятва Гиппократа?

ЗАК. Клятва, вещь, конечно, серьезная, но вот отношения с женой для нашего доктора на данный момент имеют гораздо более весомый нюанс.

ЭНТОНИ. Бедняга. Наверное, в его записной книжке хранятся дорогие его сердцу поэтические строки какой-нибудь красоти.

ЗАК. Я тебя умоляю! Какие там поэтические строки! Имя, и номер телефона. Вот и вся поэзия.

СТЭН. А еще, название отеля и номер «люкса».

ЗАК. Bravo, дружище!

ЭНТОНИ. Эх, приземленные вы субстанции! Куда делась ваша романтика?

ЗАК. Скорее всего, пошла куда-то погулять. Глядишь, наткнется на бесхозный источник вдохновения, в образе очаровательного существа с бездонными голубыми глазами, и тогда я с радостью утону в них.

СТЭН (обращаясь к Энтони). Видишь? А ты говоришь: не хватает романтики!

ЭНТОНИ. Виноват. Беру свои слова обратно.

СТЭН. Извинения принимаются. Однако если я хочу сегодня выписаться, то надо поторопиться. А то скоро вечер, и придется сие мероприятие отложить до завтра.

ЗАК. Ты так торопишься нас покинуть?

СТЭН. Не хочу лишний раз подвергать вас риску. Я хоть и не верю в серийное покушение со стороны банды «Гресадос», тем не менее, перестраховаться не помешает.

ЭНТОНИ. «Гресадос»?

СТЭН. Гретта, Сара, Дороти.

ЗАК. А неплохо звучит! Им наверняка понравилось бы. Если все же задуманное твоей женой осуществится, то я лично прослежу, чтобы на твоём надгробье было выгравировано: «Погиб в неравной схватке с бандой «Гресадос».

СТЭН. Благодарю. Ты настоящий друг.

Заходит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Ну-ка, мои сладенькие, подставляем свои попки, время для укольчиков.

СТЭН. К черту укольчики! Сестра, мне надо срочно вызвать сюда мою жену!

МЕДСЕСТРА. Ты смотри, вспомнил! Все-таки умница наш доктор! Так и сказал: либо этот малый оправится в самое ближайшее время, либо не оправится уже никогда.

СТЭН. Так вы позвоните Гретте Корвик?

МЕДСЕСТРА. В этом нет необходимости. Ваша жена сидит внизу, в холле. Она и вчера весь день провела там, каждые час-полтора интересуясь состоянием здоровья своего мужа, то есть вашего состояния.

ЭНТОНИ. Однако это как-то не вписывается в наши предположения.

ЗАК. А может, это особый тактический ход?

МЕДСЕСТРА. О чем это они, мистер Корвик?

СТЭН. Да так, балуются в одну идиотскую игру. И что, она сильно переживает? Вам, как женщине, это должно быть особенно заметно.

МЕДСЕСТРА. Хм, переживает. Да она за это время извелась вся! На ней же лица нет! Да что я вам рассказываю, вы ведь ее видели!

СТЭН. Видел, но, как-то...

МЕДСЕСТРА. Ну да! Видел, но не увидел. Ох и мужчины пошли, Господи! Из-за собственных амбиций выпускают из виду самое главное.

СТЭН. А скажите, моя жена в холе коротает время одна, или с подругой?

МЕДСЕСТРА. Одна, конечно.

СТЭН. И постоянно интересуется моим состоянием... Так-так...

МЕДСЕСТРА. Только однажды спросила о Саре Гросби.

СТЭН (удивленно). О какой такой еще Саре Гросби?

МЕДСЕСТРА. О, голубчик, да я вижу, что память к вам хоть и вернулась, но очевидно не вся. Та самая Сара Гросби, с которой вас и застукала ваша жена.

СТЭН. И где она?

МЕДСЕСТРА. Кто?

СТЭН. Сара Гросби, разумеется!

МЕДСЕСТРА. Как и полагается в таких случаях, в реанимации. У нее так же черепно-мозговая травма, но в отличие от вас, она в более тяжелом состоянии.

СТЭН. И кто же ее отправил в реанимацию?

МЕДСЕСТРА. Доктор, конечно.

СТЭН. Да я не об этом!

МЕДСЕСТРА. А, понимаю. Что-то я сама уже сегодня туго соображаю. Ваша жена и отправила. Аккурат после того, как запустила в вас кофейником, ей под руку попался стул, с помощью которого она и выразила Саре Гросби свое негодование, разломав этот стул об ее голову. Буквально минут сорок, как она пришла в себя. Я, как раз, только что от нее. Вы хотите ее увидеть?

СТЭН. Нет-нет (в порыве возбуждения целует медсестре руку). Спасибо вам, дорогая сестричка, огромное спасибо! Вы вернули меня к жизни!

МЕДСЕСТРА. Да это я вижу. Только не могу понять, чем именно.

СТЭН. Я должен немедленно видеть жену! Мою любимую, мою обожаемую Гретту!

МЕДСЕСТРА. Успокойтесь, пожалуйста! Я сейчас за ней схожу.

СТЭН. Да-да, я спокоен. Умоляю, побыстрее!

Медсестра уходит.

ЭНТОНИ. Что ж, друзья мои, нам остается лишь признать, что мы абсолютные болваны.

СТЭН. И это тот редкий случай, когда я такому обстоятельству безмерно рад!

ЗАК. Полностью тебя поддерживаю, дружище! Кстати, здесь можно где-нибудь достать цветы?

ЭНТОНИ. Действительно! Сейчас придет Аманда, и было бы здорово встретить ее

букетом шикарных роз.

СТЭН. А моя Гретта обожает гладиолусы.

ЗАК (обращаясь к Стэну). А Сара, какие цветы предпочитает, ты случайно не в курсе?

СТЭН. Да при чем здесь Сара!

ЗАК. Интересно! Вы все в полном порядке, со своими любимыми женщинами, а я, значит, в стороне?! У меня тоже будет праздник сердца. Если ты помнишь, я Сарой начал восхищаться, чуть ли не сразу, как только ты упомянул ее. И теперь, когда все так славно разрешилось, я желаю с ней познакомиться. Надеюсь, ты не будешь возражать?

СТЭН. Да ради Бога! Дерзай! Только мне помнится, ты хотел приударить за Греттой. Или я ошибаюсь?

ЗАК. Да?.. Дай вспомню... А!.. Так то я поторопился, признаю. Отнесем это за счет молодости, а вместе с тем и неопытности. Сара, конечно же, Сара! И именно с ней я и хочу сейчас познакомиться. А посему, еще раз спрашиваю: где же, все-таки, достать цветы?

ЭНТОНИ. На окнах в коридоре, в горшочках.

ЗАК. Отлично! Какая же женщина устоит против горшочка, из которого торчит пучок салата?! Итак, нам надо три горшочка.

Тут заходит Аманда.

АМАНДА. А вот и я! Ну-ка, ребята, разбираем фужеры (протягивает Энтони коробку; тот ее раскрывает, и все присутствующие вооружаются фужерами).

ЗАК. Ладно, горшки немного подождут (открывает бутылку и всем разливает). Ну, будьте счастливы! И пусть все у вас будет хорошо!

СТЭН. Да, будьте счастливы, мои дорогие!

АМАНДА. Спасибо, родные! От всего сердца желаю и вам, всего самого доброго!

ЭНТОНИ. За Гретту, за Сару, и за всех нас! Ура!..

Пьют шампанское. Занавес опускается.

Конец.